

УДК 9(с)21

А. М. Кулегин

МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ ПРОТИВ ВЛАДИМИРА ЛЕНИНА.

Из истории судебного процесса о выселении большевистских организаций из особняка М. Кшесинской (май 1917 г.)

6 (19) апреля 1904 г. один из петербургских нотариусов зарегистрировал обыкновенную имущественную сделку. Дворянин Александр Эдуардович Коллинг купил у вдовы надворного советника Ольги Львовны Петровой за 88 тысяч рублей участок земли на пересечении Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы. Однако именно эта сделка положила начало истории одного из самых замечательных памятников архитектуры, истории и культуры северной столицы — особняка Матильды Феликсовны Кшесинской. Именно знаменитая примадонна императорского балета на самом деле являлась хозяйкой участка «общим размером квадратных 730 сажень», а А. Э. Коллинг лишь выполнял функции посредника в связи с тем, что сама Матильда Феликсовна по каким-то причинам до поры до времени «не желала огласить себя покупщиком этого имущества» [1, л. 1–2]. Официально право собственности на участок и строения перешло к М. Ф. Кшесинской лишь 10 сентября 1905 г. [1, л. 5–6 об.].

Великолепное здание в стиле петербургский модерн, возведенное всего за два года на этом месте по проекту выдающегося зодчего, академика архитектуры Александра Ивановича фон Гогена издавна окружено множеством загадок и мифов. В конце 2016 г. особняк Кшесинской отметит 110-летие полного завершения своего строительства. За свою историю уникальное здание стало свидетелем, а можно сказать, и участником многих важных исторических событий.

Здесь же пойдет речь о самом, пожалуй, драматическом периоде истории особняка, когда он превратился в арену острейшего политического противоборства, одним из проявлений которого и стал сенсационный судебный процесс между М. Ф. Кшесинской и занявшими ее дом революционными организациями.

Роскошный особняк знаменитой прима-балерины, который в печати того времени чаще называли дворцом, в течение десятилетия был одним из центров великосветской и культурной жизни столицы Российской империи. Его обитателями и гостями были представители династии Романовых, известные деятели культуры и искусства, актеры императорских Александринского и Мариинского театров, такие звезды отечественного и зарубежного балета, как Тамара Карсавина и Айседора Дункан. Но революционный 1917-й изменил не только историческую судьбу России, но и стал переломным этапом в жизни этой жемчужины северного модерна.

Судебному процессу между М. Ф. Кшесинской и революционными организациями, занявшими ее особняк после Февральской революции в различной степени в советское время были посвящены как популярные издания, так и научные статьи [2, с. 189–203; 3; 205–208], однако они носят весьма тенденциозный ха-

рактер, стремясь доказать справедливость действий большевиков в отношении жилища царской фаворитки.

Нами сделана попытка восполнить эти упущения на основании материалов фондов Государственного музея политической истории России (ГМПИР), новых архивных документов, анализа петроградской прессы и воспоминаний современников.

Вечером 27 февраля 1917 г., в решающий день Февральской революции, Матильда Кшесинская вместе с сыном Володей, прихватив лишь небольшой чемоданчик с драгоценностями, в страхе покинула свой великолепный особняк, в котором она счастливо прожила свыше десяти лет. Опасения знаменитой балерины были вполне обоснованными. Еще с осени 1916 г. она получала многочисленные анонимные письма с угрозами в свой адрес. Ни для кого не была секретом ее близость к императорской семье — давний роман с наследником престола Николаем Александровичем, будущим императором Николаем II, и то, что она фактически была гражданской женой великого князя Андрея Владимировича.

Опустившее здание дважды подверглось разгрому многочисленной толпы мародеров, а спустя несколько дней было занято солдатами мастерских запасного автобронедивизиона, которые разместились главным образом в нижнем этаже [4, л. 3]. Один из агитаторов сообщил об этом в Петербургский комитет (далее — ПК) большевиков, который после выхода партии из подполья размещался в двух чердачных комнатах Биржи труда на Кронверкском проспекте, 49, и отчаянно нуждался в помещении для работы. На переговоры с «броневиками», как называли солдат бронедивизиона, отправился член ПК, подпоручик 3-го запасного пехотного полка П. В. Дашкевич. Он быстро нашел с ними общий язык, и уже 11 марта ПК РСДРП (б), его Военная организация, а затем и ЦК партии большевиков перебрались в особняк Кшесинской, который с того момента превратился, как писали петроградские газеты, в «главный штаб ленинцев» [5, с. 24–26; 2].

Первые три месяца деятельности В. И. Ленина после возвращения из эмиграции были тесно связаны с особняком Кшесинской. С 4 апреля по 4 июля 1917 г. он почти ежедневно бывал здесь. Под его руководством в особняке проходили различные важные конференции и заседания партии большевиков: документально подтверждается участие Ленина, как минимум, в восемнадцати крупных партийных мероприятиях [6, с. 28].

Здесь же В. И. Ленин встречался с партийными лидерами, принимал многочисленных посетителей — рабочих, солдат и матросов, крестьян. В особняке им были написаны резолюции Апрельской конференции, ряда заседаний ЦК партии большевиков, часть статей и заметок для газеты «Правда» [7, с. 73–74].

Барон Николай Врангель вспоминал, что поначалу даже сам внешний вид «ленинских молодцов», выступавших с балкона и беседки особняка, приводил местных обывателей в недоумение:

«— А из каких они, батюшка, будут? — спрашивает старуха. — Тальянцы, что ли?»

— А Бог их знает! Не то тальянцы, не то французы...

— Шуты гороховые, вот кто! — веско говорит чиновник» [8, с. 371].

Теперь вокруг особняка постоянно кипели нешуточные митинговые страсти. Жена известного историка академика С. Ф. Платонова, проживавшая с семьей на Каменноостровском проспекте, записывала в дневник: «Около него (особняка — А. К.) постоянно стоит толпа и кто-нибудь ораторствует — больше, говорят, не сам Ленин..., а кто-нибудь из «ленинцев», происходят ожесточенные споры между «ленинцами» и их противниками, причем несогласных с Лениным иногда арестовывают, а иногда, говорят, оратору ленинцу приходится спешно спасаться во двор или в дом, чтобы не быть побитым» [9, л. 47].

Между тем, настоящая хозяйка здания, несколько оправившись от пережитых волнений, решила попытаться вернуться домой. Но оказалось, что незваные гости совсем не намерены покидать уютный особняк, имевший к тому же весьма выгодное стратегическое положение. Вначале Матильда Феликсовна сделала попытку уговорить большевистские организации освободить если не весь особняк, то хотя бы часть комнат второго этажа, чтобы устроить там пансион для сдачи жильцам. Однако серьезного разговора с председателем ПК Л. М. Михайловым-Политикусом не получилось — большевики откровенно иронизировали над «бедной» Кшесинской, хотя и вели себя достаточно вежливо. Проигнорировал просьбы балерины и представитель большевиков в Исполкоме Петроградского Совета А. Г. Шляпников [10, с. 245–246].

Кшесинская вынуждена была начать хождение по различным властным инстанциям. Она побывала в Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, обращалась к командующему Петроградским военным округом генералу Л. Г. Корнилову. В Общественном градоначальстве на Гороховой, 2 ей вернули часть ценностей, изъятых ранее из особняка [11, с. 103–105]. Пыталась апеллировать Матильда Феликсовна и к авторитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В специальном обращении, направленном в Исполком Петросовета и написанном для большей убедительности на красной бумаге, одна из самых богатых до Февральской революции женщин России в очень мягких выражениях настаивала на возврате своего жилища. «Тем более, — писала она, — что у меня ребенок, а мы остались без крова» [12]. В ответ Исполком Петросовета принял 26 апреля 1917 г. резолюцию, в которой признавал «захват кем бы то ни было частной собственности недопустимым» и предложил комитету броневого дивизиона «ныне немедленно очистить занимаемое им в доме Кшесинской помещение, предоставив таковое владелице» [19, с. 393–394]. Однако никакой более конкретной помощи от советских деятелей просительница так и не дождалась.

Малоэффективным оказалось и обращение к министру юстиции Временного правительства А. Ф. Керенскому. Он был с дамой крайне любезен, обещал «оградить от всяких неприятностей» и даже дал номер своего домашнего телефона, но во время повторного визита вынужден был заявить Кшесинской, что освободить ее дом силой нельзя, «так как это повлечет за собой кровопролитие около него, что еще более осложнит дело» [13, с. 187].

Все это вынудило балерину прибегнуть к помощи судебных властей. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) сохранилось ее прошение прокурору Петроградской судебной палаты, где

она кратко перечисляет уже изложенные выше обстоятельства ее поспешного бегства из особняка и последующих безуспешных попыток добиться решения вопроса в различных инстанциях. В заключение Кшесинская просила: «1) Принять меры к освобождению моего дома от посторонних лиц и дать мне возможность спокойно вернуться в него. 2) Начать расследование по делу о разграблении *моего* (выделено М. Ф. Кшесинской. — А. К.) имущества в том же доме». На прошении имеется резолюция: «Запросить Управление Запасного Броневое Автомобильного Дивизиона и возможность освободить от постоя дом Кшесинской в виду ее ходатайства. Затребовать от Комиссариата (милиции Петроградского района. — А. К.) дознание о расхищенном имуществе» [14, л. 1об.—2]. Больше прокурор сделать ничего реального не смог.

Тогда по поручению Кшесинской ее адвокат, присяжный поверенный В. С. Хесин возбудил в суде гражданский иск о выселении. В качестве ответчиков на суде истицей были указаны: «1. Петроградский комитет социал-демократической рабочей партии; 2. Центральный комитет той же партии; 3. Центральное бюро профсоюзов; 4. Петроградский районный комитет партии с. — р.; 5. Клуб военных организаций (речь идет о большевистском солдатском клубе «Правда». — А. К.); 6. Кандидат прав В. И. Ульянов (лит. псевдоним Ленин); 7. Помощник присяжного поверенного С. Я. Багдатыев; 8. Студент Г. О. Агабабов» [15].

К моменту начала судебного разбирательства в общественном мнении произошли заметные изменения. Еще в середине марта бульварные газеты с упоением смаковали «тайны Матильды Кшесинской», а в ряде газет появились даже сообщения о ее аресте [16; 17]. Примадонна пишет в мемуарах, что с трудом могла найти адвоката для защиты своих интересов [13, с. 183–184]. Не только рабочие и солдатские организации, но и многие представители либеральной интеллигенции считали вполне естественным объявить дом Кшесинской «общественным достоянием». Два месяца спустя «ужасный Ленин и ленинцы» в глазах обывателей выглядели уже гораздо опаснее бывшей «царской фаворитки». Уже упоминавшаяся Н. Н. Платонова вновь записывала в дневник: «Кшесинская начала дело о выселении из принадлежащего ей дома Ленина и К°. Дело будет скоро разбираться и вероятно, при этом последует много скандальных разоблачений..., т. к. Кшесинская — „особа специально великокняжеская“» [9, л. 51 об.].

Процесс состоялся 5 мая 1917 г. в «камере» мирового судьи 58-го участка, находившейся на Большой Зелениной улице, 9. Хотя некоторые газеты и поспешили озаглавить заметки с процесса «Тяжба Кшесинской и Ленина», к большому разочарованию ожидавшей новых сенсаций публики, до отказа заполнившей зал, основные персонажи на заседании так и не появились. Интересы большевистских организаций на суде представляли литовский социал-демократ, помощник присяжного поверенного М. Ю. Козловский и один из секретарей ПК С. Я. Багдатыев, слывший одним из самых крайних «леваков» даже среди большевиков (интересно, что позднее в советский период участие в процессе С. Я. Багдатыева замалчивалось) [18, с. 203; 24, с. 206]. В начале судебного заседания мировой судья Михаил Гаврилович Чистосердов огласил справки, из которых следовало, что Центральное бюро профсоюзов уже выбыло из особняка, ответчику Ленину

повестка не вручена «за непроживанием» там, а районный комитет эсеров принять повестку отказался. Поверенный Кшесинской доказывал, что принцип права собственности остается нерушимым, и никто не имеет права самовольно завладеть чужим имуществом. В подтверждение своих слов адвокат Кшесинской представил суду копию купчей крепости на особняк [см.: 15].

«Следует не забывать, — подчеркнул в ответ М. Ю. Козловский, — что революционные организации заняли это здание 27 февраля, в день революционного выступления народа. Заняли его тогда, когда оно было пустым, когда разбушевавшиеся массы уничтожали дворец Кшесинской, считая его гнездом контрреволюции, где сходились все нити, связывавшие с царским домом Кшесинскую, которая по разумению масс была если уж не членом царской семьи, то, по крайней мере, фавориткой свергнутого царя. И остался целым этот дворец лишь благодаря тому, что был занят революционными организациями. ... О каком это «законном порядке» позволительно говорить в тот момент, когда на улице идет революция со свистом пуль и артиллерийской канонадой?!...» [19].

С. Я. Багдатьян сделал упор на том, что занявшие особняк большевистские организации представляют собой многочисленную и влиятельную политическую силу. «Мы не грабители. Мы крупная политическая организация. ... Как только мы найдем для себя новое помещение... мы охотно выедем из дома Кшесинской». Однако В. С. Хесин легко парировал аргументы противоположной стороны, заявив, что «как гражданин и юрист он должен отстаивать ту мысль, что и в революции есть законы. И во время революции, пока нет закона нового, действует старый закон. Ведь отрицание всяких законов — это анархия». Известный адвокат умело отвел все домыслы о связи Кшесинской с царской семьей: «Напрасно здесь говорили о толпе, о царской фаворитке, об угрозах разгромов. Сюда в суд не нужно вносить слухов и разговоров улицы. Мало ли что говорит толпа? Толпа говорит и о поездке в запломбированном вагоне через Германию и о немецком золоте, привезенном в дом моей доверительницы. Я ведь всего этого не повторял перед судом. Я апеллирую к законному порядку. Поэтому я прошу очистить дом доверительницы, предоставив выселяемым кратчайший срок» [20].

После десятиминутного перерыва мировой судья огласил решение. «По Указу Временного правительства России определено: выселить из дома № 2–1 по Б. Дворянской ул. в течение 20 дней п.к. с. — д. р.п., ЦК той же партии, клуб организаций (большевистский солдатский клуб «Правда». — А. К.), Петроградский районный комитет п.с.р., С. Багдатьян со всеми проживающими лицами и очистить помещение от их имущества. Решение обратиться к предварительному исполнению... Иск в отношении Владимира Ульянова и Центрального бюро профсоюзов оставить без рассмотрения» [см.: 20].

После переговоров большевиков с поверенным балерины тот согласился прибавить к двадцати дням еще неделю. 5 июня в особняке Кшесинской вновь появился Хесин в сопровождении судебного пристава и отряда милиции, чтобы произвести выселение. Руководивший деятельностью Секретариата ЦК РСДРП (б) Я. М. Свердлов сумел договориться с министром юстиции Временного правительства П. Н. Переверзевым о предоставлении новой отсрочки и дал личные

заверения Хесину, что все большевистские организации должны выехать в недельный срок. Кшесинская, которой Хесин сообщил по телефону о достигнутом «частном соглашении», высказала обоснованное сомнение в его выполнении. Тогда адвокат, нарочито громко, в присутствии членов большевистских организаций ответил: «Если политическая партия дает слово и не сдерживает его, то это означает политическую смерть партии» [18, с. 252].

12 июня 1917 г. Центральный и Петербургский комитеты РСДРП (б) вынуждены были заявить о выезде из особняка Кшесинской. Однако «выезд» носил достаточно условный характер. Военная организация при ЦК и ПК РСДРП (б), которая реально распоряжалась в особняке, наотрез отказалась выполнить судебное решение, а Петербургский комитет уже через несколько дней фактически вернулся обратно. Обстановка вокруг особняка постепенно накалялась. 15 июня 1917 г. министр юстиции П. Н. Переверзев направил начальнику Петроградской городской милиции Д. А. Крыжановскому предписание «немедленно привести в исполнение... определение Петроградского мирового суда 58 участка о выселении из дома № 1–2 по Большой Дворянской улице занимающих его лиц и организаций». В связи с тем, что «ответчики от добровольного очищения занимаемого ими помещения отказались», министр предложил ему «обратиться с письменным требованием об откомандировании необходимой для исполнения судебного определения воинской силы к Главнокомандующему войсками Петроградского военного округа» [см.: 21]. 23 июня судебный пристав 28-го участка Скрипицын также обратился к начальнику милиции с просьбой направить к особняку Кшесинской «усиленный наряд вооруженных людей» в 8 часов утра 26 июня 1917 г. [см.: 22].

Назревал вооруженный конфликт, однако чередой политических кризисов на время отвлекла внимание властей от особняка Кшесинской. Лишь в ходе ликвидации июльского выступления Временное правительство смогло, наконец, приступить к ликвидации «большевистского гнезда».

Для захвата резиденции большевиков штаб Петроградского военного округа выделил значительные силы: 8 бронемашин, подразделения Петроградского, Преображенского, Семеновского и Волынского полков, пулеметную команду и два орудия. Утром 6 июля к ним присоединились подразделения 1-го самокатного батальона, прибывшего в Петроград с Северного фронта. Около 9 часов утра помощник командующего округом штабс-капитан А. И. Козьмин предъявил ультиматум с требованием сдачи оружия и немедленного очищения здания, угрожая артиллерийским обстрелом и штурмом. Руководители Военной организации приняли решение оставить особняк без боя. Небольшой отряд матросов, сотрудники «военки» и Секретариата ЦК в спешке покинули здание. В 11 часов утра 6 июля особняк Кшесинской был занят сводным отрядом войск Временного правительства. При этом было задержано десять большевистских активистов, пытавшихся спасти партийные документы. Лишь благодаря случайности избежал ареста один из лидеров Военной организации Н. И. Подвойский. Ворвавшиеся в здание солдаты учинили в помещениях большевистских организаций полный разгром. Кроме идейных соображений у погромщиков имелся и вполне определенный

материальный интерес. Ведь в печати было сообщено об огромных суммах, полученных большевиками от немцев, и наивным солдатам очень хотелось обнаружить в особняке «германские миллионы» [17, с. 361–363; 5, с. 55–60; 5, с. 114–115].

В фондах ГАРФа среди материалов «Пражского архива» русской эмиграции сохранились любопытные воспоминания штабс-капитана Ивана Андреевича Мищенко, который в 1917 г. был начальником пулеметной команды 1-го самокатного батальона. 6 июля 1917 г. он вместе со своей частью прибыл с фронта в Петроград и участвовал в занятии особняка Кшесинской, а после захвата здания какое-то время даже был его комендантом. Он так описал плачевное состояние помещений особняка после изгнания большевиков: «В доме был полный ералаш. Валялись окурки, остатки пищи, коньячные пустые бутылки, дорогие кресла и диваны были порваны и поломаны, от гардин висели только ключья, а в зимнем садике, как видно, кто-то упражнялся с шашкой в рубке, поэтому от дорогих тропических растений остались только стебли» [24, л. 9].

Однако изгнание большевиков, вопреки ожиданиям, не принесло никакой радости Кшесинской. Особняк был занят самокатным батальоном, прибывшим в Петроград по приказу Временного правительства. Выселить самокатчиков, высланных с фронта для «спасения революции», никто не спешил...

Адвокат Хесин, скорее по инерции, продолжал подавать новые иски, теперь уже к Временному правительству и штабу Петроградского военного округа, добиваясь не только возвращения здания прежней владелице, но и возмещения нанесенного ущерба, который он оценил в треть миллиона рублей [см.: 25]. Но все это происходило уже в отсутствие самой Кшесинской. Умная и прагматичная Матильда Феликсовна, очевидно, поняла, что ждать в Петрограде в революционном хаосе больше нечего. Что «нет больше ничего своего, нет ни дома, ни вещей» [13, с. 191]. 13 июля 1917 г., получив официальное разрешение властей, она навсегда покинула столицу, отправившись в Кисловодск, где ждал ее великий князь Андрей Владимирович. На юге Кшесинская пережила два года Гражданской войны, а в феврале 1920 г. после поражения Добровольческой армии навсегда покинула Россию.

История же знаменитого особняка пошла своим путем: до Октября 1917 г. его хозяевами оставались самокатчики. По данным на конец сентября в особняке размещался штаб самокатного батальона, две роты были расквартированы в Петропавловской крепости, одна — в Мраморном дворце. Пулеметная команда — на заводе искусственных минеральных вод в Александровском парке. Точной даты, когда батальон окончательно покинул здание особняка, документально установить пока не удалось [26, л. 90, 98, 152, 170, 180].

После Октябрьской революции особняк поступил в распоряжение Петровета. В последующие годы его владельцы менялись как в калейдоскопе: Пролеткульт, Дом политпросвещения Петроградского района, Институт общественного питания, в котором была открыта диетическая столовая. С 1931 по 1935 гг. в особняке находилось общество старых большевиков. В 1937 г. хозяином здания стал только что созданный музей С. М. Кирова [11, с. 140–146].

В декабре 1954 г. особняк М. Ф. Кшесинской вместе с соседним особняком В. Э. Бранта был передан музею Великой Октябрьской социалистической революции (ГМВОСР). В ноябре 1987 г. здесь открылась последняя в советский период экспозиция, посвященная подготовке и победе Октябрьской революции. В ходе ее подготовки были восстановлены интерьеры ряда помещений особняка. В частности, первоначальный облик был возвращен парадной анфиладе первого этажа, включающей главный вестибюль, ротонду и классический Белый зал, а также двум бывшим детским комнатам на втором этаже, в которых в 1917 г. работали руководящие органы большевиков.

13 августа 1991 г. после разработки новой концепции развития музей получил современное наименование — Государственный музей политической истории России (ГМПИР). Сегодня его экспозиции и выставки рассказывают о важнейших событиях политической истории нашей страны XIX — начала XXI вв. В марте 2013 г. в ГМПИР была открыта новая экспозиция «Матильда Кшесинская: фуэте судьбы», в которой нашли отражение и материалы, связанные с событиями вокруг особняка в 1917 г.

В заключение хотелось бы отметить, что предстоящий 110-летний юбилей особняк знаменитой балерины встречает в обновленном виде. В последние годы осуществлен целый комплекс строительно-реставрационных работ с целью возможно более точного воссоздания исторического облика здания. Так, к 300-летию Санкт-Петербурга была капитально отремонтирована ограда особняков Кшесинской и Бранта, а недавно завершились работы по реставрации фасада особняка и, в частности, металлических конструкций зимнего сада, которым так гордилась когда-то прима-балерина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Счета на застрахованное движимое и недвижимое имущество М. Ф. Кшесинской. 1896–1914 гг. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2602. Оп. 1. Д. 14.
2. Шейнис З. С. История одного судебного процесса // Шейнис З. С. Солдаты революции: Десять портретов. М.: Советская Россия, 1978. С. 189–203.
3. Саулевич Э. К. История одного судебного процесса // Вопросы истории. 1969. № 2. С. 205–208.
4. Петроградский запасной автобронедивизион в 1917 г. Государственный музей политической истории России (ГМПИР). Ф. VI. Д. 9. Док. XVII.
5. Дубинин Л. А. Музей Великого Октября. Л.: Лениздат, 1965. 74 с.
6. Государственный музей политической истории России. Путеводитель. СПб.: ГМПИР, 1995. 80 с.
7. Бобров В. Д., Иванова Н. Д. Здесь работал Ленин // Первый историко-революционный. Материалы конференции, посвященной 70-летию музея. Л., 1989. С. 70–85.
8. Врангель Н. Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 512 с.
9. Платонова (Шамонина Н. Н.). Дневник. 1916–1917 гг. // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 5696.
10. Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1–2. М.: Политиздат, 1991. 383 с.
11. Бобров В. Д., Кириков Б. М. Особняк Кшесинской. СПб.: Белое и Черное, 2000. 160 с.

12. Маленькая газета. 1917. 29 апреля.
13. *Кшесинская М.* Воспоминания. М.: «Артист. Режиссер. Театр», 1992. 416 с.
14. Прощение М. Ф. Кшесинской на имя прокурора Петроградской судебной палаты о возврате ее имущества. Петроград. 31 марта 1917 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 1695. Оп. 1. Д. 249в. Л. 1об.—2.
15. Биржевые ведомости. 1917. 5 мая (вечерний выпуск).
16. Биржевые ведомости. 1917. 13 марта (вечерний выпуск).
17. Газета-копейка. 1917. 14 марта.
18. Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб.: Бельведер, 2003. 686 с.
19. Дело материалов М. Ю. Козловского. ГМПИАР. Ф. VI. Док. 3.
20. Речь. 1917. 6 мая.
21. Предписание министра юстиции Временного правительства П. Н. Переверзева начальнику Петроградской городской милиции Д. А. Крыжановскому о немедленном выселении большевистских организаций из особняка Кшесинской. Петроград. 15 июня 1917 г. Копия. // ГМПИАР. Ф. IX — 7654.
22. Обращение судебного пристава по 28-му участку Скрипицына начальнику Петроградской городской милиции Д. А. Крыжановскому о направлении вооруженного отряда к особняку Кшесинской. Петроград. 23 июня 1917 г. Копия. // ГМПИАР. Ф. IX — 7501.
23. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: в 2-х кн. Кн. 1: На путях к социалистической революции. Двоевластие. Л.: Наука, 1967. 454 с.
24. *Мищенко И. А.* Воспоминания. Прага. 1925 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 510. Л. 9.
25. Биржевые ведомости. 1917. 9 сентября (вечерний выпуск).
26. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16073. Оп. 1. Д. 2.